

О. В. Ефимова

Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей (проект 3.1.2, ПСР РГПУ им. А. И. Герцена)

**РЕЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
И ИСПАНСКОГО КОНКИСТАДОРА
В СЕМЕЙНОЙ САГЕ ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ «ДОМ ДУХОВ»**

Исследуется влияние структуры образов жанра хроника конкистадоров на роман Исабель Альенде «Дом Духов».

Ключевые слова: жанр «хроника», образ героя, рассказчик хроники, читатель.

O. Yefimova

**The Reception of Artistic Images of Latin America and the Spanish Conquistador
in the Family Saga of Isabel Allende "The House of Spirits"**

The influence of image structure of the conquistadors' chronicle genre on the novel by Isabel Allende "The House of Spirits" is discussed.

Keywords: genre of chronicle, image of hero, narrator of chronicle, reader.

Роман чилийской писательницы Исабель Альенде вышел в свет в 1982 году и вызвал неизбежные сравнения с книгой Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», к тому времени произведения латиноамериканского «бума» успели стать классикой, исполнив свое главное предназначение — заложив литературную традицию. С момента издания и триумфального шествия по миру «Ста лет одиночества» прошло пятнадцать лет, времена изменились, но наступило ли обновление мира, стал ли возможен диалог культур, к которому стремились латиноамериканские хронисты? На эти вопросы и пытается найти ответы автор предлагаемой книги вместе со своими героями, заново переживая историю собственной страны. Первым важным отличием повествования «Дома духов» от «Ста лет одиночества» становится появление рассказчиков — персонажей — Альбы и Эстебана, ведущих одну нить повествования с разных точек зрения. Исабель Альенде выстраивает на страницах своей книги сложный диалог двух миров (прошлого и настоящего, мира людей и мира духов), стирая границы непо-

нимания между ними. На протяжении всего повествования книги происходит осмысление причин ухода с исторической арены старого мира и поиск дальнейших исторических перспектив Латинской Америки, находящейся под гнетом тирании и виоленсии. Как впоследствии узнает читатель, в отличие от Аурелиано Вавилонья, Альба не только выступает в роли читателя дневниковых записей Клары, но и является соавтором истории Клары и Эстебана. Приводя в порядок записи Клары, она выполняет ее духовное завещание и избавляется от собственных душевных терзаний, осознав, что произошедшая с ней беда — не роковое стечение обстоятельств, а испытание, искупительная жертва, которая необходима для того, чтобы замкнуть круговерть насилия и хаоса, творящихся в их семье и во всем мире по воле таких озлобленных людей, как Эстебан Гарсиа, пытающихся самоутвердиться за счет приобретенной власти над страной. Альба понимает, что история Латинской Америки не должна превратиться в череду бесконечно сменяемых друг друга тиранов, и противовесом виоленсии может

стать только духовность, которую несет в себе ее культура, литература, заключающая в своем слове память о культурно-историческом наследии. В этом отношении тетради ее бабушки бесценны: «Я испытываю наслаждение, читая Кларины дневники того времени, — в них описывается волшебный мир, которого уже не существует. Клара жила в мире, придуманном для нее, оберегаемая от жизненных невзгод. В этом царстве смешалась прозаическая правда реальности с поэтической правдой снов, в этом мире не действовали законы физики или логики» [1, с. 91]. Для данного произведения очень важна метафорическая антитеза шума и тишины, молчания, характеризующая поведение Эстебана и Клары. Шум, связанный с миром материи, тела и насилия, ассоциируется в книге только с Эстебаном, который, как ураган, врывается в жизнь окружающих, сотрясая стены своим громopodobным голосом (от одного звука которого вяли все цветы) и внушая чувство страха, даже Кларе. В то время как молчание Клары — неотъемлемый атрибут духовности, мудрости и подлинности.

Интересно, что обе эти стихии были вызваны к жизни одним событием. Смерть Розы — один из ключевых моментов книги, она не только знаменует собой начало гибели старого мира, но и оказывает решающее влияние на дальнейшую судьбу двух главных героев. После того, как ее предсказание о смерти сбылось, Клара понимает, какую силу несет в себе даже неосторожно произнесенное слово, винит себя в смерти сестры и отныне в течение девяти лет все свои чувства и мысли она будет доверять только бумаге. Однако подобное поведение благодаря родным не развило в ней привычку к одиночеству: «Клара провела свое детство и вошла в юность в стенах своего дома, в мире удивительных рассказов, безмятежного молчания, в том мире, где время не отмечалось часами или календарями, где предметы жили своей собственной необыкновенной жизнью и где все могло случиться» [1, с.

91]. Зеленоволосая красавица Роза — это и аллегорическое воплощение той Америки, которую видели в своих снах и мечтах конкистадоры, еще не ступившие на новые, неизведанные земли: «Загадкой латиноамериканский мир стал с самого начала..., ведь его образ несли в своем насквозь мифоориентированном, мифотропном сознании плывущие открывать его первопроходцы» [2, с. 84]. Казалось, что Розе и вправду были ведомы тайны мира, существовавшего, когда по земле разгуливали диковинные, мифологические существа, которых она старательно вышивала на скатерти, готовя себе приданое к свадьбе. Молчание Клары на сюжетном уровне повествования можно объяснить ее душевным потрясением от потери близкого человека, а на уровне символично-аллегорическом напрашивается иная аналогия: немота Клары воплощает собой утрату местных языков латиноамериканского континента, чья богатейшая культура, существовавшая до нашествия конкисты в устной традиции, осталась лишь далеким смутным воспоминанием: «Для Латинской Америки язык колонизаторов не является имманентно *своим*, несущим в себе самом код, алгоритм данной культуры, ее внутреннюю форму» [3, с. 9].

Для Эстебана гибель Розы стала приговором, вся энергия его властной, собственной природы вылилась в неконтролируемый гнев, протест против одиночества. Эстебан бросает вызов самой природе, восстанавливая некогда прибыльное хозяйство своего родового имени, он успевает настроить против себя всю местную округу, напуганную той жестокостью, с которой он насилует всех местных женщин независимо от их социального статуса. Очередная смерть выводит его из ставшего привычным образа жизни: физические страдания матери, чья агония длилась много лет, внушают ему острое чувство вины, которым он руководствуется в стремлении выполнить ее последнюю волю — жениться на девушке из хорошей семьи. Решение посвататься к од-

ной из сестер его бывшей невесты Розы кажется странным и двусмысленным всем, кроме него самого, раз и навсегда очарованного атмосферой дома дель Валье, и Клары, заранее знавшей о своей судьбе. Жизнь расставила все по своим местам, страстная влюбленность в Розу была отголоском той любви, которую он будет испытывать всю свою жизнь к Кларе. Так на символично-аллегорическом уровне в книге описаны два важных этапа, характеризующих конкистадорскую хронику: ожидание встречи с чудесной Америкой (помолвка с Розой) и освоение этой прекрасной, но непонятной, и порой враждебной, земли. Эстебан, в отличие от жены и внучки, всегда принадлежал к тому типу людей, которые живут настоящим днем, не задумываясь о будущих перспективах и прошлом опыте. Он — человек дела, не склонный к рефлексии. Еще одна важная особенность Эстебана: он никогда не смеется, лишен самоиронии, а значит, не способен адекватно оценивать собственные действия.

Сознание Клары, в отличие от Эстебана, открыто для диалога с миром. Дневники Клары содержат в себе основополагающую характеристику хроник — провиденциалистскую концепцию истории, но базируется она не на авторитете Священного Писания, как в «американской» хронике, а на вере в духов, населяющих потусторонний мир. На протяжении повествования читатель неоднократно задается вопросом: кто такие духи, выведенные в заглавии книги? В чем смысл их миссии? Ответы на эти вопросы появляются после смерти Клары, ставшей одной из них: духи — хранители памяти, приносящие гармонию в земное бытие и не дающие распасться связи времен. В тетрадах Клары нет морализаторских наставлений в духе Святого Писания, но история ее жизни и воплощает собой пример христианской этики (если не принимать во внимание ее способности к телепатии и телекинезу, порицаемые церковью): для нее на первом месте всегда были интересы

ближнего. Зная будущее своей семьи, она не впадала в отчаяние, а принимала жизнь такой, какова она есть, стараясь сделать все, от нее зависящее, чтобы эпоха безвременья не продлилась долго в этом мире, где забыли о существовании беззаботного детского смеха.

Детство занимает особенное место в повествовании «Дома духов», его аура пронизывает жизнь Клары и Альбы, давая ощущение счастья и магии бытия, в то время как детство Эстебана Труэба и его незаконного внука Эстебана Гарсиа наполнено одиночеством и обидами на мир. Детские травмы становятся катализатором развернувшейся в отношении Альбы волны мести и насилия. Все трагедии мира родом из детства, а тиранами нередко становятся люди, его лишенные, творящие глупости с серьезным выражением лица. Пример жизни Эстебана, одного из главных рассказчиков книги, убеждает читателей в этой печальной истине. Если в книге «Сто лет одиночества» предметом внимания становится не сам жанр хроники как таковой, а тип сознания конкистадора, который за счет инверсии в повествовании подвергается испытанию смехом, то в «Доме духов» хроника Эстебана Труэба, изложенная от первого лица, уже не вызывает у читателя смеха и становится главным свидетельством той внутренней эволюции, которая происходит с персонажем в финале романа.

Главное отличие хроники Эстебана от повествования рыцарей Нового Света заключается в том, что он пишет ее не по следам недавно произошедших событий, а спустя полвека после смерти Розы. Его хроника на протяжении действия книги сопоставляется с версией его жены Клары, описавшей те же события в своих дневниках. Тем не менее на протяжении повествования читатель не слышит голоса Клары, ее мысли обретают форму в размышлениях и воспоминаниях Альбы. Так повествование в книге выстраивается по двум временным моделям — прошлого и будущего. В начале

истории Эстебан — живое воплощение образа конкистадора XVI века: потомок уважаемой (по материнской линии) и некогда богатой семьи, чье наследство промотал его авантюрист-отец. Наделенный сильной волей и предприимчивостью, имеющий свои представления о чести (Эстебан не мог жениться на красавице Розе, не обеспечив ей достойную с материальной точки зрения жизнь), он привык добиваться поставленных целей (освоение, на первый взгляд, неперспективной шахты, восстановление родового поместья Лас-Трес-Мариас). В самопрезентации этого рассказчика звучит свойственная конкистадорам гордость за свои достижения и желание оправдать приступы своей неконтролируемой ярости, найти им объяснение, но при этом он смотрит на себя сквозь зеркало времени и порой, помимо его воли, в его интонации звучит сожаление и стыд за содеянное. Так же как конкистадоры XVI века, возомнившие себя героями рыцарских романов, покорителями первозданного земного рая, Эстебан видел себя в роли спасителя и благодетеля крестьян Лас-Трес-Мариас. Однако в действительности для новоиспеченного хозяина его работники были только средством для достижения поставленной цели — добиться благосостояния и процветания в некогда разоренном семейном поместье. Эстебан преклонялся перед достижениями английской экономики и старался, чтобы блага западной цивилизации «прижились» в Лас-Трес-Мариас, ведя себя при этом отнюдь не как английский джентльмен, а как средневековый феодал-варвар.

Преображение Лас-Трес-Мариас Эстебан всегда считал своей личной, а не общей заслугой. Единственным различием между Эстебаном и его идейными предшественниками-конкистадорами, авторами «американских» хроник (которые считали открытие и покорение Латинской Америки не только своим личным, но и общим достижением, позволившим им чувствовать себя творцами истории, покорителями и покоренными ма-

гией нового пространства), является его одиночество, не покидающее его с раннего детства, не позволившее ему довериться даже самому близкому человеку, жене Кларе. Эстебан не вносит в свою деятельность духовной составляющей, он игнорирует существование местной культуры, фольклора и народных обычаев, его не трогает окружающая природа. Он перенимает от конкистадоров противоречивое восприятие Латинской Америки, которая была для них и Новой Аркадией, земным раем, и адом, диким, слабым, деградирующим континентом. Как мы видим в тексте романа, Эстебан интуитивно чувствует, что по-детски наивная и в то же время мудрая Клара, живущая по законам магии и сновидений, воплощает собой все лучшие черты Латинской Америки. Если образ Клары, символизирующий в романе саму Латинскую Америку, навсегда пленяет и завораживает Эстебана своей тайной, то образ народа, представленный в книге обитателями Лас-Трес-Мариас и имеющий ряд сходных черт с автохтонным населением континента, много лет будет ассоциироваться в его сознании с образом врага. Несчастное детство Эстебана превратило его в неуравновешенного и одинокого человека с повадками тирана, не способного выстроить диалог с миром. Трагизм его истории заключается в том, что всю свою жизнь он стремился к тому, чтобы его полюбили не за его духовные качества, а за материальные достижения.

Еще одной особенностью повествования Эстебана, сближающей его стиль с «американской» хроникой конкистадоров, является его адресат: он стремится реабилитировать свою репутацию в памяти будущих поколений Труэба, понимая, что его жизнь — не самый лучший пример для подражания, все его мысли перед смертью обращены к Кларе, ему хочется разделить с ней вечность, заслужить ее прощение. Духовное перерождение Эстебана совпало с событиями в стране, которые, словно в кривом зеркале,

отразили его собственную деятельность в Лас-Трес-Мариас. Поняв, что жизнь Альбы — единственного человека, который любил его таким, какой он есть, не требуя ничего взамен, под угрозой, Эстебан переоценивает всю свою прошлую жизнь, с горечью осознавая весь груз своей вины. Движимый раскаянием, он рассказывает Альбе историю своей жизни и обретает желанный покой.

Клара — единственный персонаж в книге, остающийся для читателя загадкой: несмотря на то, что она не является рассказчиком, ее голос постоянно звучит в сознании Альбы и Эстебана, являясь путеводной нитью истории клана Труэба дель Валье. Клара — нравственный ориентир книги. При этом ей глубоко чужды дидактика и морализаторство. Тип сознания Клары никак не соотносится ни с аскетичными умонастроениями эпохи средневековья (достаточно вспомнить эпизод пламенной проповеди падре Рестрепо, прерванной остроумной репликой девятилетней девочки, уставшей от его невыносимого ханжества), ни с волюнтаризмом Возрождения, с его безграничной верой в человека как венца творений. Клара — дитя эпохи первотворения, как и жители Лас-Трес-Мариас, носительница мифологического сознания коренных жителей Латинской Америки. Она парила в этом мире между сном и явью, отрицая самим своим существованием границы между

ними. Здесь, на земле, она творит свою вселенную, создавая хитроумный лабиринт — убежище в великолепном доме на углу. Дар ясновидения определил судьбу Клары, которую она с готовностью приняла, стремясь предотвратить торжество зла в будущем.

Трудно поверить, что дневники Клары относятся к тому же периоду жизни, который описывает Эстебан в своих воспоминаниях: перед читателем открывается совсем другой мир, полный волшебства и магии. Создается впечатление, что именно Кларе удалось в своем повествовании передать ту атмосферу тайны, чуда, о которой писали в своих сочинениях конкистадоры XVI века, мечтающие обнаружить в недрах земли Латинской Америки несметные сокровища, заведомо наделившие континент чертами из книжной реальности рыцарских романов. Дневники Клары раскрывают совсем иную реальность Латинской Америки, ее культуру и быт. Позже эту же атмосферу она создаст в их с Эстебаном доме уже после их размолвки, затянувшейся до самой ее смерти.

Так на примере непростых супружеских взаимоотношений Клары и Эстебана читатель получает представление о том, как зарождалась новая модель мира в Латинской Америке времен конкисты, какой путь прошли сторонники цивилизации и доколумбова мира в поисках диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альенде И.* Дом духов. Роман / Пер. с исп. С. Николаевой. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010.
2. *Гирин Ю. Н.* Колумб, открывший другой свет // Латинская Америка. 2006. № 10. С. 83–89.
3. *Гирин Ю. Н.* Поэтика сверхпределности: К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. СПб., 2008.

REFERENCES

1. *Al'ende I.* Dom duhov. Roman / Per. s isp. S. Nikolaevoj. SPb.: Izdatel'skaja gruppa «Azbuka-klassika», 2010.
2. *Girin Ju. N.* Kolumb, otkryvshij drugoj svet // Latinskaja Amerika. 2006. № 10. S. 83–89.
3. *Girin Ju. N.* Pojetika sverhprede'l'nosti: K interpretatsii hudozhestvennyh protsessov latinoamerikanskoj kul'tury. SPb., 2008.